

## **МЕТАМОРФОЗЫ КОНСТРУКТИВИЗМА**

*Е.Л. ЧЕРТКОВА*

Идея конструктивизма в европейской философии имеет долгую историю — от античности до наших дней. В различных исторических культурных контекстах эта идея приобретала значение и функции, весьма отличные от утверждаемых современными конструктивистами. В качестве теоретико-познавательной идеи конструктивизм практиковался еще в античности, особенно в трудах античных математиков, на пример, младшего современника и оппонента Платона Евдокса Книдского, утверждавшего конструктивистское происхождение математических объектов. В математическом мышлении конструктивистские идеи и поныне не потеряли своего значения.

В эпистемологии конструктивистское понимание познания получило обоснование и распространение в философии Нового времени и было наиболее концентрированно выражено в трудах И. Канта. Познание понималось как конструкция разума, который препарировал природу в соответствии со своими собственными закономерностями. Конструктивизм развивался в русле философской программы обоснования знания в контексте недоверия к опыту, с одной стороны, и утверждения активности субъекта познания — с другой. Проблема обоснования возможности достижения в этих условиях объективного истинного знания составляла смысловой центр интеллектуального контекста, в котором реализовывались идеи конструктивизма того времени. Он был включен в контекст критики познания, понимаемой как осмысление его предпосылок, возможностей, границ и рефлексия над ними. Конструктивизм был непосредственно включен в критицизм, выполнявший функцию самоопределения науки и ее самоутверждения, ибо указание на границы познания одновременно утверждало и его позитивные познавательные и преобразующие возможности в пределах этих границ. Критицизм сочетался с гносеологическим оптимизмом, который, в свою очередь, фундировал оптимизм социальный. Это единство и взаимоподдержка социального и гно-

сеологического оптимизма составляет ядро философии просвещения. Критика познания служила обоснованию возможности достижения объективного и истинного знания и тем самым право науки на социальное признание ее авторитета, на высокий социальный статус и особую роль в преобразовании общества на рациональных основаниях.

Новым этапом в развитии идей конструктивизма было литературно-художественное движение первой четверти прошлого века, нацеленное на конструирование новой социальной среды и посредством этого создание нового «конструктивного» человека. Из области научного познания идеи конструктивизма переместились в социальную и гуманитарную сферы, сохраняя при этом такие его основополагающие принципы, как критицизм и веру в силу человеческого разума. Только теперь это уже был социальный критицизм революционного времени, дошедший до радикального отказа от существующих способов организации жизни. Оптимизм же был непосредственно связан с конструктивизмом и на нем основывался. В отличие от предшественников, конструктивные способности направлены теперь не столько на познание природы, сколько на преобразование всей жизни общества. И поскольку творческие способности человека наиболее полно раскрываются и реализуются в искусстве и литературе, в них и нашли свое наиболее яркое выражение и воплощение конструктивистские идеи начала XX века. В нем соединились революционной нигилизм и романтика утопических идеалов, обращенная, как и всякий утопизм, к тотальному конструированию нового мира. Ими была поставлена задача конструирования такой окружающей среды, которая бы активно направляла жизненные процессы. Присущий утопизму инженерный подход к реальности нашел в конструктивизме свое наиболее адекватное выражение. «Октябрьская метла» (Маяковский) расчистила место для конструирования новой культуры. Конструирование новой реальности, соответствующей новому идеалу и воплощающей его — вот пафос конструктивистов того времени.

Победа плана над стихией, изобретательство и техника, художественное освоение открываемых техникой возможностей творчества, создание конструкций «без баллас-

та изобразительности» (А. Веснин) и одновременно выражение художественными средствами конструктивных свойств материала, будь то железобетон (в архитектуре) или слово (в поэзии) — все это было в арсенале конструктивизма того времени. Такому слову в поэзии отводилась та же роль, что железобетону, применение которого в строительстве открыло новую эпоху конструктивистской архитектуры.

В отличие от предшествующего «эпистемологического конструктивизма», этот можно назвать «утопическим конструктивизмом» из-за его близости революционно-утопическим идеям построения нового общества. Это было своеобразным и ярким выражением стиля революционной эпохи, базирующейся на мировоззрении и идеологии коммунизма. Особенно ярко эти идеи были реализованы в архитектурных проектах конструктивистов. Но идея соединения технического и художественного творчества прозвучали и в литературных поисках поэтов того времени, объединенных в ЛЦК — литературный центр конструктивистов, возглавляемых Корнелием Зелинским и Ильей Сельвинским. Об идеологии и настроении авторов ЛЦК свидетельствуют характерные названия издаваемых ими коллективных сборников — «Мена всех» (М., 1924), «Госплан литературы» (М., 1925) или, к примеру, название статьи идеолога конструктивизма К. Зелинского «Конструктивный социализм», помещенная в коллективном сборнике «Бизнес» (1929). Еще более претенциозно звучит название декларации «ЗНАЕМ. Клятвенная конструкция (Декларация) конструктивистов-поэтов»<sup>1</sup>. Печатным органом конструктивистов был журнал «На литературном посту»<sup>2</sup>.

На первый план идеологи ЛЦК выдвигали понимание художественного произведения как конструкции, что противопоставлялось отвергаемому ими буржуазному искусству, трактуемому как пассивное отражение действительности. (В этом пункте — противопоставление конструирования отражению — современные конструктивисты являются прямыми последователями наших.) Главное назначение произведения искусства — максимальное участие в «организационном натиске рабочего класса» посредством его насыщения злободневной тематикой и применения наиболее «тех-

ничных» средств и приемов художественного выражения духа времени. В литературе одним из таких средств был принцип «грузификации слова», его максимальной уплотненности, по аналогии с увеличением полезного эффекта в технике путем уменьшения затрат по весу и материалу на единицу силы. В манифесте «Мена всех» принцип «грузификации слова», или «конструкторского» распределения материала уточняется как «максимальная нагрузка потребности на единицу его, т.е. коротко, сжато, в малом — многое, в точке — все»<sup>3</sup>.

Пафос техники преобладал и главенствовал в литературных опытах конструктивистов, оттесняя на второй план острые социальные проблемы, за что это направление было подвергнуто суровой критике со стороны идеологов-марксистов того времени, и к 1930 г. ЛЦК пришел к самоликвидации. Как и любой утопический проект, революционный конструктивизм завершился «башней Татлина» — прекрасной моделью, не имеющей воплощения<sup>4</sup>. И хотя утопии никогда не достигают своей цели, не реализуются в том виде, в каком замышляются, тем не менее они вносят свой вклад в культуру, доводя до предельной ясности и наглядности заключенные в них идеи. Так произошло и с конструктивизмом, еще раз показавшим, что утопия наиболее полезна и плодотворна именно как «бумажный проект».

Современный конструктивизм декларирует свою полную непричастность как к классическому «эпистемологическому» конструктивизму, так и тем более к конструктивизму «утопическому». Однако имена или названия редко бывают случайными. И то, что сторонники этого направления не смогли подобрать иное самоназвание, отчасти свидетельствует о хотя и не признанной, но глубокой связи со своими предшественниками. Главным, что их объединяет, остается, конечно, идея конструкции как выражения творческого, активного начала человеческого сознания и познания. А в качестве основного «разъединяющего» оказывается идея критицизма как в ее классическом понимании в контексте проблемы обоснования возможности объективного знания, так и в утопическом контексте обоснования идеала совершенного общества посредством вскрытия ан-

тагонизмов существующего. В новейшем конструктивизме идеи объективности и истины признаются безнадежно устаревшими, а критика общества уступает место «терапевтическому» исправлению сознания. Таким образом, произошел отказ как от гносеологического оптимизма «эпистемологического» конструктивизма, так и от социального критицизма конструктивизма «утопического».

Если посмотреть на исходные идеи современного конструктивизма, на первый взгляд с точки зрения эпистемологии все выглядит вполне обычно: понимание познания как активного, т.е. конструктивного процесса — кто с этим будет спорить? Или понимание специфики социального знания как социокультурно обусловленного и со стороны его субъекта, и со стороны содержания знания. Об этом много написано, в том числе и в отечественной философии и психологии. Теперь это уже не считается спецификой только социального знания, но признается и в отношении современного естествознания как одна из характеристик его «постнеклассической» стадии. То же касается и борьбы с фундаментализмом, тематизацией ситуативности и исторического своеобразия знания — все это уже стало общим местом в эпистемологии.

Особенность современного конструктивизма — в особом взгляде на знание, в новом ракурсе его рассмотрения, когда оно выступает в качестве инструмента обеспечения жизнедеятельности организма (индивида, социальной группы, общества). Важным моментом является изучение того, как научное познание влияет на жизнь людей, меняет и структурирует бытие человека. Познание является здесь синонимом жизни как процесса самоорганизации и самосохранения. Такой подход открывает большие просторы для исследования специфики социальной реальности.

В отличие от ранее рассмотренного «эпистемологического» конструктивизма, современный конструктивизм отличается новым ракурсом в рассмотрении социального знания — как конституирующего элемента человеческого опыта повседневной жизни. Изучается процесс освоения человеком не объективного мира, а практики социального взаимодействия, где знание является средством конструирования со-

циального опыта. Особенно важен акцент на активности ментального мира в жизни человека и социума. И этот акцент вполне созвучен духу времени: чем больше человек полагает, что обретает независимость от природы, тем большее значение он приписывает созданному им ментальному миру, вплоть до утраты различия между реальным и виртуальным мирами, свойственного постмодернистскому сознанию.

Осуществляемый в русле конструктивизма анализ знания как конституирующего элемента социальной реальности<sup>5</sup> не влечет с необходимостью тех эпистемологических выводов, которые делаются на его основе. Тем не менее современный конструктивизм обнаруживает серьезные философские притязания — делается попытка переформулировать и решить средствами современной социальной науки «вечные» вопросы философии. Подобные попытки разрешения философских проблем средствами науки предпринимались неоднократно. Необычность здесь состоит в том, что отвергается свойственный по самой природе исследовательской деятельности ученым стихийный реализм. В борьбе с эссенциалистским «удвоением мира» конструктивисты пошли не по пути редукции идеального к материальному, что уже неоднократно было, а по пути запрета вопросов онтологического характера. Познание рассматривается исключительно со стороны познающего, а познаваемое само также является содержанием сознания. Знание рассматривается как особая реальность, как «окружающий мир», с которым сталкивается или в котором существует человек в своей повседневной жизни. Оно не представляет (репрезентирует) какой-либо реальности, а составляет субстрат, образующий саму эту реальность. При этом не человек формирует свой образ реальности, а, напротив, наши представления, знания формируют нас по своему образу и подобию. Они обуславливают наш опыт и предписывают нам способ осмысления этого мира и деятельности в нем. Это касается и научного знания как элемента ментального мира, в котором они переплавляются в обыденные понятия. Познание выполняет задачу упорядочения внутреннего мира социального субъекта, а не объяснения объективной онтологии бытия. При таком понимании действительно неуместно ста-

вить вопрос о его истинности, поскольку критериями служат уже не доказательство, проверка, обоснование, а доверие, пригодность, приемлемость и т.п.

Знание, рассматриваемое как конституирующий элемент в структуре социальной реальности, обнаруживает, конечно, иные характеристики, чем знание в структуре познавательной деятельности, где оно, сохраняя все черты социальности (включенность в конкретную социокультурную реальность с присущей ей культурной традицией, конструктивность, понимаемую как выражение активности человеческого сознания, ситуативность, историчность) все же к ней не сводится. Познавательная деятельность, развившись в особый тип отношения к миру, нацелена на выработку знания «об объекте», и потому ориентировано на идеалы объективности, истинности, проверяемости, согласованности, общезначимости и т.д. Знание в структуре познавательной деятельности отличается от знания как элемента повседневности. Но так же, как знание об объекте не возникает в безвоздушном пространстве, вне социума, вне культуры, так и социальная жизнь, при всем ее своеобразии, не может протекать вне природы и истории, не испытывая сопротивления объективного мира. Поэтому разрыв этих двух сфер реальности носит относительный характер и преодолевается на философском уровне осмысления бытия. Когда же философские вопросы рассматриваются в пространстве конкретно-научного исследования, нередко могут открыться новые и неожиданные ракурсы, но при этом возможна и односторонность, и абсолютизация этой односторонности. Философские притязания конструктивистов понятны, ибо очень уж «философски нагружена» область их интересов. Но особенно эпатажные манифесты конструктивистов, вроде «эпистемологического солипсизма», надо принимать *cum grano salis*.

Из трех рассмотренных вариантов конструктивизма нас более всего интересует сравнение двух последних.

Выбор такого сопоставления обусловлен как совпадением названий, так и провоцирующими такое сближение высказываниями и названиями работ современных конструктивистов, таких, например, как «Изобретенная действи-

тельность». Это название известного сборника статей конструктивистов под редакцией П. Ватцлавика вполне подходит и для обозначения какого-нибудь утопического проекта. Можно обнаружить сходные черты рассматриваемых направлений в их понимании социальности как сконструированной реальности, в отождествлении образа действительности и самой действительности. Утопия — это тоже теоретическая конструкция, идеальная модель. Ибо что такое остров Утопия или город Солнца, как не придуманные, или иначе изобретенные образы идеального общества? Сходны они и в отрицании понимания познания как отражения. Если современные конструктивисты отрицают понимание познания как репрезентации, то утопические конструктивисты отрицали искусство за его пассивность и отражательность. Подобно понятиям в интерпретации конструктивизма, идеал утопических конструктивистов также не отражает мир, поскольку он не может быть получен из опыта, но творит его. Объединяет их и акцент на творческой роли идей, или, в терминологии новых конструктивистов, «социальных представлений», их определяющего влияния на жизнь. Утопические проекты — это тоже «социальные представления», реально воздействующие на социальное поведение, на ход истории.

Однако при ближайшем рассмотрении обнаруживается внешний характер указанного сходства. В то время как различия между ними оказываются более значительными, чем сходство. В отличие от конструктивистов, отказывающихся ставить и решать проблемы онтологии, и не потому, что они не входят в компетенцию конкретных социальных наук, а потому, что считаются ими бессмысленными, утопические проекты базируются на твердом онтологическом фундаменте. В их основе лежит осмысление «вечной» идеи социальности и основанные на ней представления о структуре и законах общества, знание которых является основанием проектирования идеального общественного устройства. Принципы рациональной организации общества выводятся из онтологии социальности. Поиск истины — не последняя задача для утопии и радикально отрицаемая в современном конструктивизме.



Утопизм совершенно не приемлет плюрализм равнозначных реальностей. Он всегда императивен и претендует на знание объективной истины и старается донести это знание до других. В противоположность этому социальный конструктивизм всякую рациональность, в том числе и научную, рассматривает как результат взаимного обмена смыслами или «конвенциональной интеллигибельности». Поэтому для утописта конструирование знания не равно конструированию реальности. Только осмысление сущности социальности дает ключ к пониманию и критике его реального существования и помогает найти пути его изменения в нужном направлении. В отличие от конструктивизма, утопия строит метафизику социального бытия. Предлагаемые утопией конструкции ориентированы на идеал, а не на эффективность, пригодность, жизнеспособность и т.п. Утопия противопоставляет реальную действительность ее идеальному образу, или виртуальной реальности, тогда как в конструктивизме по существу не проводится различий между реальной и виртуальной действительностью. Поскольку реальность понимается как состоящая из интерпретаций и оценок, то достижение «счастья» возможно в любой ситуации и не путем преобразования мира, а путем изменения своего отношения к нему — путем пересмотра своих интерпретаций. Как писал Ватцлавик, болезнью человека делает не болезнь, а ее интерпретация. Это же можно повторить и в отношении конструктивистского понимания общества. Такая позиция возможна и приемлема в металлической среде, где преобладает удовлетворенность существующим положением дел, но в ситуации осознания глобального кризиса метод смены картины реальности, если он не повлечет за собой изменения в самой реальности, едва ли окажется эффективным для выживания как человека, так и человечества.

В итоге можно сделать вывод, что, несмотря на совпадения во многих частных позициях, они расходятся в основополагающих для каждого из них принципах. Современный конструктивизм не просто отличается от утопизма, но представляет противоположную ему крайность в понимании природы социального. Если воспользоваться классификацией К. Мангейма, современный конструктивизм, в

противоположность отечественному конструктивизму первых послереволюционных лет, выполняет противоположную утопической идеологическую функцию, поскольку способствует консервации и стабилизации общества, а не его радикальным преобразованиям. Утверждаемый социальным конструкционизмом принцип изменения отношения к действительности (подразумевается, что мы не можем изменить ее) противостоит утопическому принципу радикального преобразования мира, если он не соответствует нашим идеалам. В отличие от раннего «эпистемологического» и недавнего «утопического» этапов эволюции идеи конструктивизма, современный конструктивизм выражает скорее дух усталости и разочарования в познании и культуре вообще, неверия как в социальный идеал, так и в возможности реализации классического идеала познания<sup>5</sup>.

### Примечания

<sup>1</sup> В качестве иллюстрации духа конструктивизма приведем отрывок из этой декларации: «Конструктивизм как абсолютно творческая (мастерская) школа утверждает универсальность поэтической техники; если современные школы порознь вопят: звук, ритм, образ, заумь и т.д., мы, акцентируя И, говорим: И – звук, И – ритм, И – образ, И – заумь, И – всякий новый возможный прием, в котором встретятся действительная необходимость при установке конструкции» (*Чичерин А., Сельвинский И.* Клятвенная конструкция конструктивистов-поэтов // Литературные манифесты от символистов до наших дней. М., 2000. URL address: [http://www.9151394.ru/projects/liter/bibl\\_11/manifest/doors/doors1.htm/](http://www.9151394.ru/projects/liter/bibl_11/manifest/doors/doors1.htm/)

<sup>2</sup> Среди авторов журнала «На литературном посту» упоминается и В.Ф. Асмус, но мне не удалось найти каких-либо его конструктивистских работ.

<sup>3</sup> Мена всех / Сб. М., 1924. С. 8.

<sup>4</sup> К счастью, «бумажным» оказался и нереализованный проект конструктивиста И. Леонидова, предлагавшего возвести на Красной площади огромную башню для Министерства тяжелого машиностроения, поднимающуюся выше колокольни Ивана Великого, которая должна была символизировать победу и мощь пролетариата. Будем надеяться, что так же завершится и проект «памятника Газпрому» в Санкт-Петербурге, прозванному народом «кукурузой».

<sup>5</sup> Здесь речь идет лишь об одном его направлении, развиваемом в социально-гуманитарных науках и именуемым «социальным конструкционизмом», или, как его еще называют, «коммуникативный конструктивизм».